

В Вене, в Английском театре, состоялась премьера двух одноактных пьес известного американского драматурга Э. Олби — «Случай в зоопарке» и «Считая дороги», поставленных им самим. Режиссурой Олби занялся недавно, в конце 70-х годов, хотя не забросил свое старое ремесло. В его одноактных пьесах подвергаются острой критике внутренние пороки буржуазного мира. Он откровенно бросает ему вызов. Раздерганные герои его пьес обнажают изнанку буржуазного образа жизни.

на серьезные трудности. Целая армия критиков тратит все силы на поддержку так называемых «традиционных американских ценностей». Естественно, что они глухи к раздумьям Олби об одиночестве человека. Неприятие, осуждение драматургом самих основ «американского оптимизма» не имеет успеха в Америке.

Олби пришел на сцену в 1959 году. Тогда в Западном Берлине, в студии Шекспировского театра под названием «Мастерская» состоялась премьера его первой пьесы «Случай в зоопарке». Он безуспешно предлагал ее нью-йоркским продюсерам, посылал во Флоренцию, а Цюрих, затем она попала в одно франкфуртское издательство, а оттуда уже перекочевала в западноберлинский театр. С тех пор прошло двадцать пять лет. За эти годы Олби написал двадцать пять пьес, но судьба большинства из них оказалась несчастливой у него на родине. Америка издевательски отнеслась к его творчеству последних лет. Скандальный провал сопровождал премьеру пьесы «Леди из Дьюбююка», поставленной в 1980 году в Нью-Йорке талантливым Аланом Шнайдером, погибшим недавно в Лондоне в автомобильной катастрофе. Критики тогда изошлись в оскорбительных эпитетах. Писали, что «Олби кончился», что «его творческие силы сгорели на электрическом стуле в одно мгновение», открыто «хоронили» его.

«В американском театре — застой, коммерческий театр испытывает тяжелые време-

на, — говорит он, и в голосе его скорее печаль, чем гнев. — Бродвей провинциален, безразличен к тому, что происходит вокруг, враждебен ко всему новому, оригинальному. Постоянный страх провала (недавно несколько очень дорогостоящих представлений прекратили свое существование сразу после премьеры) преследует продюсеров, которые боятся того, что еще не апробировано на подмостках. Продюсеры и те, кто стоят за ними, предпочитают возобновлять старые «хиты», ставить мюзиклы, адаптирующие популярные фильмы прошлых лет, и использовать «звезд» экрана в качестве приманки в тех случаях, когда те соглашаются выступить на сцене. Или импортируют английские пьесы, зарекомендовавшие себя в Лондоне. Спектакли Бродвея профессиональны, мастерски сделаны, но, к сожалению, холодны и откровенно подражательны. Главное, что потерял Бродвей, — это творческое дерзание».

Театральный Бродвей стал провинцией. Каждый вечер на его подмостки выходят актеры и актрисы, танцовщицы и танцовщицы, певцы и певицы, «звезды» первой и второй величины и, ослепляя дорогостоящей наготой, шелестя роскошными туалетами, разыгрывают любимый жанр бродвейского театра — мюзикл. Пышно иллюминированные вечерние фасады со вспыхивающими именами новых и старых знаменитостей извещают об очередной премьере очередного мюзикла. Огромные

транспаранты и фотозитрины демонстрируют достаточно раздетых герлс, безупречно владеющих законами этого жанра, — блистательный калейдоскоп номеров, эффектов, улыбок. В этом огромном всебродвейском ревю сдвиги истории незаметны. Комедии, мелодрамы и мюзиклы заглушают, оттесняют мысль о социальных противоречиях и конфликтах. Американская публика всегда ориентируется на успех. «В театре мы должны заставить людей смеяться, потому мы мало уделяем внимания серьезным пьесам», — признал недавно продюсер Дэвид Меррик.

Естественно, что для Олби нет места на Бродвее. Пожалуй, только «Кто боится Вирджинии Вулф?» — пик творчества драматурга — не сходит со сценических подмостков, эта пьеса уже давно стала классикой американской драмы. Яростные, издевательские диалоги, садистский юмор Джорджа и Марты — главных персонажей пьесы — с большой художественной силой раскрывают пустоту и бессмысленность жизни героев, их попытки ухватиться за иллюзии, ибо реальность горька и бесплодна.

«Случай в зоопарке» — пьеса об одиночестве, крик отчаяния, безнадежный поиск участия и сочувствия. В ней Олби обнажил один из главных конфликтов американской буржуазной цивилизации — конфликт между материальным благосостоянием и прогрессирующей бездухов-

ностью. Сведение всей жизни к «потребительской гонке» чуждо сознанию драматурга, рождает у него чувство протеста. Он выдвигает на первый план и исследует проблематику психологического отчуждения в буржуазном мире. Тревожащий, насыщенный сарказмом и «черным юмором», его голос был услышан в Вене. Настроения европейской интеллигенции сближают ее с драматургией Олби. В свою очередь и он сам понимает, что для того, чтобы шагнуть дальше, надо включиться в происходящее. «Компас тревог», сбедающих его, правильно указывает ему путь.

В Вене Олби встретил понимание, обрел уверенность в том, что все еще бьет в цель, не утратил способности ловить смещение духа, что он нужен. В США его жесткий и неравнодушный взгляд на мир не встречает поддержки. Он говорит: «Постановки на Бродвее обходятся очень дорого. Чтобы поставить сегодня на Бродвее «Кто боится Вирджинии Вулф?», надо продюсеру вложить миллион долларов, не меньше. Билет в театр стоит 50 долларов. Продюсеры, естественно, ориентируются на тех, кто может платить такие деньги. Скверный вкус посетителей Бродвея определяет его сценическую продукцию. Коммерческая сцена превратилась в образец посредственности». Олби не впервые подчеркивает, что посредственность в культуре распространялась с невероятной быстротой.

«Беда в том, что люди слиш-

ком мало образованы в эстетическом смысле и им трудно понять, что есть искусство, а что — убожество», — писал он совсем недавно. Его тревожит, что упал уровень писательского мастерства, что в театре редко можно встретить дух настоящего творчества. «Интересные пьесы в США можно увидеть только вне Бродвея, и чаще всего в региональных театрах», — пишет Э. Олби. — Из новых имен драматургов могу назвать немногих: Вустер Груп, имеющий свой маленький театр на 80 мест; Кристофер Дьюранг, его пьеса «Сестра Мэри Игнатиус» объясняет все» широко идет в Нью-Йорке, Дублине и Лондоне; Томас Бейб и Дэвид Мафф. Интересно работают региональные театры в штатах Луизиана и Кентукки. Там, например, начала свой путь пьеса «Преступления сердца», написанная Бес Хенли, актрисой по профессии. Ее сначала сыгнали в провинции, потом она появилась на «кофф-Бродвее», и только тогда на нее обратил внимание Бродвей. Сейчас по ней снимается фильм».

«Сам я начинаю работу над большой пьесой, а только что закончил три одноактные, объединив их под названием «Песок». Право первой постановки отдаю Английскому театру в Вене, — говорит Олби. — Да, Европа воспринимает мои пьесы. Моя последняя драма «Человек, имеющий три руки» сразу была переведена на немецкий язык и поставлена в трех театрах ФРГ в этом сезоне, а на Бродвее она провалилась. Нью-йоркские театраль-

ные обозреватели не поняли ее».

Интервью было дано драматургом перед его отъездом в Прагу, где недавно состоялась премьера его пьесы «Морской пейзаж». Несколько лет назад американский еженедельник «Ньюсуик» назвал ее «игрой в гольф между двумя парами, игрой, порой забавной, порой рискованной, обеспечивающей зрителям двухчасовой сон среди бесцельной болтовни». А в Европе она идет шумно, вызывая пристальное внимание зрителей, точно так же, как «Шаткое равновесие», получившая в 1967 году Пулицеровскую премию и почти забытая на родине драматурга. И причина не в том, что привычное для Олби гротескное заострение образа и статичность действия не «вписываются» в восприятие американцев. Просто Бродвей не желает отказываться от привычной рутины существования, и настоятельная потребность Олби разобраться в истоках «нового стиля жизни», в тех глубинных процессах, что протекают в реальности, за пределами ценностных установок американского истеблишмента, наталкивается на сопротивление. Нынешняя административная насаждает духа патриотизма, и этот «голлиудский вариант видения Америки» не совпадает с жестким взглядом Эдварда Олби, чьи пьесы противостоят атмосфере конформизма и пассивности, общему направлению консервативной мысли, процветающему на бродвейской сцене.

Виталий ВУЛЬФ.